

*доктор филологических наук,
профессор Варшавского
университета*

ПСАЛТЫРЬ КАК ТВОРЧЕСКИЙ ИНСПИРАТОР И КЛЮЧ, ИЛИ НА МИСТИЧЕСКИХ ВЫСОТАХ ОТКРОВЕНИЯ

Луцевич Людмила. Память о псалме. Sacrum/profanum в современной русской поэзии. – Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego 2009. – 487 s.

Псалтырь читают сердцем. Это аксиома. А как надлежит исследовать поэтические тексты, ориентированные на вечную Книгу? Также сердцем, а не только умом-разумом, трудом да опытом, в чем убеждает вышедшая в самом конце 2009-го года в издательстве Варшавского университета книга Людмилы Луцевич "Память о псалме. Sacrum/profanum в современной русской поэзии". Поэтому даже самый, казалось бы, субъективно-личный анализ, как, например, микроцикла "Три стихотворения" Ольги Седаковой (С.260-266) в конце концов поражает своей убедительностью, особенной персвазийностью, а не только виртуозностью. Наверное, потому, что для исследовательницы, как и для самой поэтессы, очень важна "отвлеченность от себя", убежденность в том, что то, что высказывается, "важнее, чем говорящий"¹.

Именно благодаря этому, как мне кажется, вышла в свет очень ценная книга, вместившая в себя и рафинированный теоретический дискурс, и выверенный сердцем анализ, и множество интересных и даже уникальных поэтических текстов, по крупинкам заботливо собранных, как и сведения об их создателях. Многие из авторов малоизвестны, поэтому впервые использованные эго-документы так же важны, интересны и ценны, как и анализ творчества.

Книга состоит из введения и двух основных частей. Во введении предельно ясно автором очерчена актуальность проблемы. Она представлена в свете злободневной и острой дискуссии, прошедшей в МГУ по теме "Религиозное литературоведение: обретение и утраты", отчетливо вскрывшей несомненные позитивы в том, что благодаря включению в научный диалог духовной поэзии и прозы русских классиков "границы русской литературы в последние два десятилетия заметно расширились" (С.15). В одночасье понятна и тревога исследователей по поводу не такой уж редкой подмены филологии теологией, приводящей порой к сужению горизонта, к необъективности в оценке авторов.

"Взаимодействие псалтырных ветхозаветных текстов с поэтическим контекстом – это и есть состоявшееся метафорическое взаимодействие Слова Божьего через уста Царя и Пророка Давида и слова авторского (земного). Смысл такого поэтического диалога никогда не может быть однозначным", – подчеркивает исследовательница, дающая оценку реальной картины в изучении взаимосвязей *Sacrum/profanum* в литературе XX века, которая, "в силу устоявшегося представления о тоталитарном вытеснении светской культурой (точнее, советской с ее материалистическими и атеистическими мировоззренческими установками) культуры религиозной, до сих пор остается на периферии научных изысканий" (С.18).

Автором книги Л.Луцевич не только представлена магистральная основа в развитии псалтырной поэзии – литературная актуализация Псалтыри в поворотных пунктах русской

---

¹ Высказывание Ольги Седаковой исследовательница дает в своей книге: Людмила Луцевич. Память о псалме. *Sacrum/profanum* в современной русской поэзии. – Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego 2009. – S.265. Далее страницу рецензируемой книги указываю в скобках.

истории (С.29), но и разъяснены секреты ее уникальности: "поэзия, определяемая в момент своего возникновения сутью псалтырного слова, не отказалась от него на протяжении всей своей истории. Изменялся русский мир, развивалась его культура, совершенствовался язык,¹ на котором создавалась литература, но на всех этапах ее развития псалтырное слово занимало позицию всеприсутствия" (С.29).

Так или иначе определяемые Псалтырью три основных тенденции в развитии русской поэзии XX века представлены в текстах и именах, символизирующих звезды разной величины и яркости. Первая часть монографического исследования как раз и посвящена изучению Псалтыри в поэзии и отдельно взятых ярких поэтов (Генрих Сапгир, Елена Шварц, Юрий Кабанков и др.), и тех, кто вошел в творческие группы, таких, как поэтический андеграунд 1950-1960-х или религиозно-мистический круг 70-х гг. XX века. Сама по себе часть первая, которая содержит также исследование псаломной поэзии новейшего времени 1990-2000-х гг. (С.267-377), могла бы стать отдельной завершенной книгой. Но автор расширила свои задачи, посвятив вторую часть "Переводы Псалтыри" практическим проблемам переводов ветхозаветной книги, исследовав особо значимый вклад Сергея Аверинцева, а также Александра Панченко, Вячеслава Иванова (С.382-439).

Хотя анализ идеи культурного синтеза христианского Запада и Востока вынесен автором в отдельный подраздел (2.1), но сакральный контекст этой проблемы присущ книге в целом, в первую очередь, благодаря уместному привлечению оценок Папы Иоанна Павла II (С.13-14, 236, 255, 260, 265, 389 и др.), стремлению осмыслить глубинную сущность его оценок, характеристик, как, например, его высказывания о целомудренной бездне стиха Ольги Седаковой (С.32).

Часть первая, параграф первый "Духовный вектор" отличается персвазийностью в силу того, что обнажает самые болезненные, может быть, точки не только странной, как пишет автор, но и трагической ситуации, когда, "с одной стороны, русская литература нещадно "обрезалась" и искажалась официальными идеологами, а с другой, именно она, будучи культурой светской, исполняла в течение десятилетий навязанную ей роль мировоззренческого суррогата церковного мирозерцания (некой сакрализованной ценности). Она привносила в обезбоженное сознание советских людей туманные религиозные мифы и мифологемы из исторического прошлого, также окутанного непроницаемой тайной. В жестких условиях методологического монологизма классическая литература оставалась "недочитанной", "недоизданной", "недокомментированной", храня до лучших времен свои "тайны", в числе которых и ее христианские корни, и ее духовность" (С.38).

Последующие главы – это приоткрывание тех тайн – в именах часто вовсе неизвестных как Леонид Чертков, Николай Шатров, Станислав Красовицкий, Евгений Кропивницкий и многие другие. Оценка их вклада презентуется сквозь призму автобиографий (в том числе и "псевдобιοграфического исследования", как, например, Михаила Берга о Елене Шварц (С.181)) дневников, а также досконально изученной критической литературы, – секреты нарочитого тонкого примитивизма Игоря Холина (С.75), практикуемую поэтом эстетику минимализма (С.76) и т.п.

Поэзия участников Ленинградского религиозно-мистического круга 70-х гг. XX века проанализирована в контексте вершинных явлений Серебряного века с его символизмом, который предпринял, как подчеркивает Л.Луцевич, "наиболее мощную в истории русской поэзии попытку через эстетику преодолеть ограниченность позитивного знания, философский догматизм, ложность официальной религии" (С.148). Далее этот тезис как бы иллюстрируется посредством анализа-переосмысления, подсвеченного умением автора ориентироваться во взаимоотношениях, казалось бы, несовместимых критических

---

¹ Можно отметить, что рецензируемая книга с ее ярким языком также, как нам кажется, может рассматриваться как образец авторской речи, вобравшей в себя энергетику исследуемого материала

тенденциях, существующих, к примеру, в оценке поэзии Е.Шварц (С.196). Вместе с тем, хотя анализ творчества Елены Шварц отличается универсальностью (псалтырная память ее стихов представлена исследовательницей в наборе семи главных признаков, как то: прямое упоминание, обращения, цитаты, догмы, риторические вопросы и характерные сравнения, ситуации, пожелания), хотя изучение увенчано изящными выводами о лирике поэтессы как одном из свидетельств возобновления полноценного диалога с Богом, в котором "творчество мыслится как соучастие в вечном творении мира, а поэзия вновь обретала память, включающую Премудрость Божию" (С.233), – но так и остался без четкого ответа поставленный на странице 196 вопрос о статусе поэтессы как классика.

Книга Л.Луцевич – в хорошем смысле – воспринимается мною как современная *silva rerum*. В книгу обильно введены неизвестные стихи, комментарии, примечания содержат яркие отрывки прозы (например, из романа "Доктор Живаго" Б. Пастернак), критических работ. Исследовательница может изящно вплести в канву анализа – информацию об авторе вместе с малоизвестным его произведением-оберегом (С.50), в результате чего сложный материал воспринимается как увлекательный рассказ (например, о творческой судьбе Роальда Мандельштама на страницах 49-64). Может высветить герменевтику стиха сквозь призму древних мифов с проекцией на мировую литературу и живопись (С.53), подарить искру юмора в его великолепии ("вырвать из культуры ее корни – задача непосильная, как оказалось, даже для большевиков", С.42), но также и силе – из-за подсвечивания драматическими алгоритмами (С.64).

Импонирует умение Л.Луцевич донести доказательность выводов словами исследуемых поэтов, как-то Олега Юрьева: "Для поэта андеграунда периода "длинных семидесятых" характерно внутреннее противостояние системе, вызов традиционным советским ценностям, а также "озарения, обращения, погружения во внутреннее, полумистика-полуметафизика, очарование сновидением и зазеркальем"¹ – устремление к миру духовному и вечному, тяга к тайне, предельная обобщенность значений, архетипичность, формотворчество, стремление расширить культурное поле поэтического дискурса" (С.179). Исследовательнице удастся предугадать возможные инспирации (источники) того или иного поэтического мотива, как, например, образ "танцующего Давида" у Генриха Сапгира и Елены Шварц (С.214), в результате рождается изысканный и виртуозный, как сам танец, анализ стихотворения Елены Шварц "Танцующий Давид".

Нарратив рецензируемой книги настолько живой, что когда иллюстрации и конкретные примеры отсутствуют, начинает ощущать их значение и даже необходимость, как, например, в таком фрагменте: "В поэзии советской эпохи сохранились религиозные настроения, библейские темы, мотивы, образы, стилистические формулы, выражаемые авторами по-разному: редко – осторожно, завуалированно, мировоззренчески серьезно, сознательно; чаще – интуитивно, имплицитно; порой – в ярких игровых, сатирических вариантах" (С.42).

Рецензируемой книге присуща аккуратность и совестьливость в отношении к чужому слову (см., например, страницу 187). Правда, многие истины универсальны, а некоторые сентенции, как говорится, просто "висят в воздухе", как-то: "всякое творчество есть по сути своей молитва" (39). Поэтому, как нам кажется, ссылка на авторитеты здесь даже не обязательна.

Монографию отличает сочетание предельно конкретного анализа и синтетических глав (введение, выводы к каждому из разделов и подразделов, общее заключение). В заключительных тезисах находим и выводы, и перспективы, когда читаем, что "библейский псалом нередко выступал не только в традиционной вековечной функции лирической инспирации, но и мог стать:

- основой для выражения духовности,
- попыткой "оживления" вечных тем,

¹ именно эти слова принадлежат поэту Олегу Юрьеву

- поводом для выявления сущностных знаков своей эпохи,
- материалом для связи времен,
- источником для демонстрации поэтического мастерства,
- намеренной акцентацией религиозных ценностей,
- эстетической коннотацией,
- элементом архаизации,
- средством литературной экзотики,
- формой эпатажа и т.д. и т.п." (С.444).

Как историку литературы, украинскому исследователю, книга Людмилы Луцевич приоткрыла мне бездну трагических, общих для народов бывшего СССР черных страниц истории и культуры XX века¹. Одновременно укрепила убеждение в том, как важно сегодня разорвать замкнутый круг, активизировать межславянские научные, литературные, культурные контакты, расширив контекст: ведь в украинской, польской, белорусской, иных славянских литературах также наработан богатый опыт псалмодики, появились научные исследования, как например, монография Игоря Набытовича "Універсум сакруму в художній прозі (від модернізму до постмодернізму)"² или изданный под его же редакцией сборник материалов международной конференции в Люблине "Sacrum i Biblia w literaturze ukraińskiej"³. Еще ранее, в конце 90-х, в Черновицком национальном университете состоялось несколько Международных научных конференций, увенчавшихся изданием сборников из цикла "Библия и культура". И мне близки как стихи, представленные в рецензируемой книге, так и стихи в подаренном винницкой писательницей и исследовательницей Татьяной Яковенко томе – "Книга псалмів у переспівах"⁴ (наряду с другими ее трудами: "Пісня над піснями в художньому переспіві Тетяни Яковенко"⁵, "Книга Еклезіастова в художньому переспіві Тетяни Яковенко"⁶, "Книга пророка Даниїла в художньому переспіві Тетяни Яковенко"⁷). Среди представителей старшего поколения необходимо с благодарностью назвать киевского поэта Николая Карпенко, перепевшего не только книгу Псалмов, но и Книгу Иова, Книгу Эклезіаста, Книгу приповестей Соломона, пророков Исаяи, Еремии, Езекииля, Плач Еремии. Ранее адекватной передаче текста Библии много внимания и сил уделили Пантелеймон Кулиш, митрополит Илларион (Иван Огиенко), священники Иван Хоменко и Рафаил Турконяк, патриарх Филарет Денисенко и др.⁸. Сознательно останавливаясь, отмечу лишь, что традиция псалмодики в украинской литературе не менее богатая и разноплановая также нуждается в специальном изучении. Искренне радуясь появлению рецензируемой книги, не могу, однако, безапелляционно согласиться с утверждением, что новейшие исследования интенсивно разрабатывают многосторонние формы взаимодействия христианства и литературы "преимущественно на материале русской словесности XIX века" (18).

Особо следует взять во внимание намеченные автором книги перспективы дальнейших исследований, но не только в заключении, на страницах 440- 445. Ведь и ранее, в ходе анализа стихов Роальда Мандельштама, как бы исподволь дан prospect возможного монографического дискурса под углом зрения интертекстуальности ("текста в тексте"), сквозь призму автобиографических мотивов творчества (С.57, 63). Весьма интересно было

---

¹ Как справедливо подчеркивает автор монографии, "проблема же *Sacrum/profanum* в литературе советского периода пока не поставлена в соответствующем объеме" (С.42).

² Ігор Набитович. Універсум сакруму в художній прозі (від модернізму до постмодернізму). Монографія. – Дрогобич-Люблін 2008. – 600 s.

³ Sacrum i Biblia w literaturze ukraińskiej. Pod redakcją Ihora Nabytowycza. – Lublin 2008. – 812 s.

⁴ Книга псалмів у переспівах Тетяни Яковенко. – Вінниця 2003. – 276 с.

⁵ "Пісня над піснями" в художньому переспіві Тетяни Яковенко. – Вінниця, 2004. – 28 с.

⁶ "Книга Еклезіастова" в художньому переспіві Тетяни Яковенко. – Вінниця 2005. – 40 с.

⁷ "Книга пророка Даниїла" в художньому переспіві Тетяни Яковенко. – Вінниця, 2008. – 60 с.

⁸ См., например, работы Дмитрия Степовика, среди них и его вступительные статьи к указанным изданиям Татьяны Яковенко

бы исследовать и далее поэтику барокко и необарокко, например, в творчестве Елены Шварц (С.195): очерчена проблема оценки творчества Елены Шварц как целостного явления, которое "в русской поэзии так и не рассмотрено" (С.197). В работе затронуто немало острых вопросов, проблем, в том числе и сложнейшая проблема "Отреченной Псалтыри" и ее интерпретации в творчестве Юрия Кабанкова (в ходе анализа уместно использован такой эго-документ, как письма к Автору рецензируемой книги (С.271) – все это, вместе с другими биографическими источниками и обильными, но очень уместными цитатами, приближает сложный и богатый материал к читателю, в чем видим еще одну бесспорную пользу книги. Перспективным представляется также дальнейшее осмысление в литературе конфликта, о котором Л.Луцевич пишет, исследуя псалтырные интонации и варианты в творчестве Олеси Николаевой, самой поэтессой очерченный как "конфликт метафизической несовместимости постмодернистского цивилизационного кода и евангельского благовестия" (С.324). Богатейшую информацию к размышлению дает углубленный анализ поэтических переводов 136 псалма... И, бесспорно, нельзя переоценить содержания главы "С.С.Аверинцев: Диалоги культур", приоткрывающей чрезвычайно сложный, до конца еще не осознанный архипелаг Сергея Аверинцева...

В самом начале нашей рецензии было упомянуто – в контексте противопоставления – о труде и опыте. Так вот, именно многолетний опыт работы Людмилы Луцевич с университетской молодежью стал, как мне кажется, одной из благодатных причин того, что ее монографию "Память о псалме. *Sacrum/profanum* в современной русской поэзии", написанную с мыслью о сокровенном в душе человека, будут читать не только коллеги-литературоведы. Ибо книга, при ее безусловном формальном соответствии профилю рафинированных научных исследований с их полнотой и доказательностью, – размыкает очерченный круг. Прежде всего, наличием в этой работе, мастерски ее инкрустировавшим, такого материала, который призван пробудить-усилить-инспирировать в рецепиенте не только научный поиск, но и поэтическую интуицию. И главное – возвышая смысл Псалтырного Текста, очистить и возвысить свою душу. Поэтому и завершается, как бы сама по себе, эта мини-рецензия тоже нетрадиционно, строками третьего псалма из Шестопсалмия – в первичной версии¹ конгениального перевода Сергея Аверинцева:

Господи, как умножились теснящие меня
Многие восстают на меня.
многие глаголют к душе моей:
"Нет в Боге спасения для него".
Но Ты, Господи, – защита моя.
Ты – слава моя. Ты возносишь главу мою.
Гласом моим воззвал я ко Господу,
и услышал Он меня от святой горы Своей.
Я уснул, и спал, и восстал,
ибо Господь защищает меня.
Не устрашусь множества людей,
отовсюду обступивших меня.
Восстань, Господи! Спаси меня, Боже мой!
Ты поражаешь всех супостатов моих,
сокрушаешь зубы грешников.
От Господа – спасение,
и на людях Твоих – благословение Твое.
Я уснул, и спал, и восстал,
Ибо Господь защищает меня.

¹ Существует и несколько иная, более поздняя версия перевода этого псалма Сергеем Аверинцевым, которую также находим в книге Л.Луцевич (С.401-402). Цитирую за рецензируемой книгой, страница 401.